

У Пушкина внутри основной ведущей темы «Медного всадника» есть свое движение, развитие, свои глубинные изменения. Но соответственно этому движению темы у него варьируется и стиль. Одическая языковая система становится максимально подвижной, она окончательно теряет свою устойчивость и вместе с тем заново и в большей мере обогащается смыслом и выразительностью. У Пушкина в «Медном всаднике» не только основная тема внутренне богата, но в такой же степени богата нюансами, оттенками, прямыми и эмоциональными смыслами словесная инструментовка темы. Приведу пример.

Уже во вступлении к поэме, выдержанном в общем высоко-торжественном, одическом плане, можно наблюдать эти стилистические переходы, отражающие тончайшую смену мыслей, чувств, едва заметное изменение авторской точки зрения. С начала вступления к поэме высокий патетический тон авторской речи выдерживается безусловно. И так до слов: «Люблю тебя, Петра творенье...». Эти слова вводят в одиночное вступление новое начало, тема разнообразится, меняется угол поэтического зрения: в тему включается нечто интимное, сугубо лирическое — то, что идет как бы непосредственно от самого автора. Вместе с тем нечто новое появляется и в языке поэмы: больше конкретного, неповторимо-земного, больше личного: «... когда я в комнате моей пишу, читаю без лампы, и ясны спящие громады пустынных улиц...», «... люблю зимы твоей жестокой недвижный воздух и мороз, бег санок вдоль Невы широкой, девичьи лица ярче роз, И блеск, и шум, и говор балов, А в час пирушки холостой Шипенье пенистых бокалов И пунша пламень голубой...» и пр. Во вступлении к поэме отнюдь не происходит резких переходов и изменений в языке — все это лишь речевые вариации на основную и высокую тему, но все это придает жизнь и выразительность поэтическому языку, все это бесконечно обогащает то, что Пумпянский называет «одическим» стилем.

Унаследованная от Державина русским литературным языком громадная одическая культура не была и не могла быть неподвижной. Она со временем изменялась, развивалась, и Пушкин, унаследовав эту культуру во всем ее богатстве, со всеми ее приобретениями, использованными и неиспользованными возможностями, сам неизмеримо много сделал для развития и обновления этой культуры. Подобно Любомудрам, во второй половине 20-х и в 30-е годы, проявляя постоянный и деятельный интерес к державинскому наследию, Пушкин, однако, в использовании этого наследия достиг большего, чем Любомудры, и пошел дальше, чем Любомудры.